

Так вот оно что!

Оказывается, он питает к Хозяину такие чувства!

Система, посчитав, что наткнулась на нечто невероятное, принялась истошно вопить в системном пространстве, но Янь Цин спал слишком крепко, не подавая никаких признаков реакции, и совершенно ничего не знал о происходящем перед ним.

[Хозяин, ты пропал!]

На нее по-прежнему никто не обращал внимания. Система сдалась, быстро втянула свое спутанное в клубок тело обратно и с каменным лицом уселась в системном пространстве, насильно гипнотизируя себя.

Ее это не касается.

Она ничего не видела, она ничего не знает.

Подушечка пальца Шэнь Цзюэ нежно терлась о мягкие губы, с силой надавила, губы приоткрылись, невольно показав немного белых зубов.

В глазах Шэнь Цзюэ, глубоких, словно темная тушь, наконец мелькнула несдержанность. Он наклонился и сорвал этот мягкий румянец, и когда человек под ним непроизвольно приоткрыл губы, он воспользовался моментом, вторгся и завоевал, кончиком языка силой разжав его зубы.

В черных как смоль зрачках смутно мелькали искры темно-алого, бормотание, срывавшееся с губ и зубов, походило на шепот демона:

— Так хочется уничтожить всё, чем дорожит Мастер. Если их всех не станет, в мире Мастера останусь только я.

— Так Мастер послушно останется рядом со мной и больше никогда меня не покинет...

Притворявшаяся мертвой Система, слушая это, снова ожила, но лишь на мгновение, а затем, прижимая к себе свой код, сжалась в углу, дрожа всем телом.

Она же говорила: как главный герой с сотней процентов очернения мог оставаться тем невинным и безобидным, каким казался вначале.

Вот это его истинное лицо!

Янь Цин проспал на редкость крепко, а когда снова проснулся, за окном уже почти стемнело.

Он вздохнул, хотел потянуться и вдруг заметил, что дверь открылась и кто-то вошел.

— Мастер, ты проснулся. — Шэнь Цзюэ, держа в одной руке зажженную свечу, а другой прикрывая огонек от ветра, осторожно вошел в комнату.

— Как самочувствие? Есть еще недомогание?

Янь Цин покачал головой, чувствуя лишь, что выспался на славу. Давно ему не было так легко.

Шэнь Цзюэ подошел ближе, поставил свечу на столик у кровати, и тусклый желтоватый свет тут же озарил его красивые черты.

— Для Мастера на печи греется каша, которую я сварил. Хочешь немного?

При упоминании еды Янь Цин оживился. Он медленно сел прямо и с довольным видом посмотрел на Шэнь Цзюэ:

— Ты очень заботлив.

Шэнь Цзюэ тут же развернулся и ушел на кухню, а когда вернулся, в руках у него был деревянный поднос с двумя тарелочками закусок и чашкой горячей каши.

Затем он помог Янь Цину сесть на кровати, а сам, держа кашу, молча встал у постели, без малейшего намерения отдавать ее.

Янь Цин мгновение поколебался и сказал:

— Кашу давай сюда, Учитель и сам может поесть.

Шэнь Цзюэ покачал головой:

— Лучше я покормлю Мастера. Мастер только проснулся, сил мало, а вдруг обожжешься?

Янь Цин хотел было возразить, что не настолько он и хилый, но увидев на лице Шэнь Цзюэ выражение крайней осторожности, невольно смягчился.

Гостеприимство не позволило отказаться. Преодолевая чувство неловкости, Янь Цин проглотил поднесенную ко рту ложку горячей каши, но в следующее же мгновение тихо зашипел от ожога.

— Что такое?

Янь Цин, шипя, непроизвольно потянулся рукой к губам:

— Мне кажется, у меня губы немного болят. Посмотри, они не опухли?

В глазах Шэнь Цзюэ промелькнула тень, взгляд невольно упал на эти приоткрывающиеся и смыкающиеся нежно-алые лепестки губ.

Губы были ярко-красными, чуть припухшими и блестящими от влаги. Когда они открывались и закрывались, мелькали ровные белые зубы и нежно-розовый кончик языка, беззвучно маня сорвать с них поцелуй.

— Есть немного припухлости. Очень больно?

Виноват он. Не стоило, потеряв контроль, забывать о мере и делать Мастеру больно.

Янь Цин снова прикоснулся к ним и с удивлением цокнул языком:

— Странно. Я только сегодня проснулся. С чего бы это губам опухать? Неужто в такую погоду еще водятся насекомые?

Шэнь Цзюэ поставил чашку на прикроватный столик и осторожно провел пальцами по его

губам. В следующий миг припухшие губы мгновенно пришли в норму.

— Так больше не больно.

Янь Цин не придавал этому значения. Увидев, что он поставил чашку, он проворно схватил ее сам. Шэнь Цзюэ нахмурился, пытаясь снова взять ее, но Янь Цин отстранился, зачерпнул ложкой и сам съел две ложки:

— Ничего, видишь, я и сам могу. Не стоит утруждать тебя такой мелочью.

Шэнь Цзюэ не стал больше настаивать и просто тихо сидел на краю кровати, наблюдая, как он ест.

Янь Цин не мог больше есть, поперхнулся и протянул ему чашку.

— Я наелся.

Шэнь Цзюэ нахмурился:

— Мастер больше не будет? Еще много осталось.

Янь Цин покачал головой:

— Наелся.

Шэнь Цзюэ кивнул:

— Тоже верно. Мастер только что очнулся, не стоит съедать слишком много за раз.

С этими словами он взял кашу и сам принялся есть.

Янь Цин в шоке расширил глаза:

— Что ты делаешь?

Шэнь Цзюэ с невозмутимым видом ответил:

— Ем кашу. Еще больше половины чашки осталось. Раз Мастер не ест, доест ученик. Не пропадать же добру.

Янь Цин: — ...Действительно, не пропадать же.

Шэнь Цзюэ в два глотка прикончил остатки каши и, заметив, что лицо Янь Цина всё еще выглядит немного неестественно, невольно спросил:

— У Мастера есть еще дела?

Янь Цин поспешно замотал головой и, будто желая что-то сказать, но не решаясь, посмотрел на него:

— Просто внезапно подумал кое о чем другом.

— О ком думает Мастер? — Шэнь Цзюэ вдруг схватил его за предплечье, и на дне его глаз, казалось, мрачно забурили темные эмоции.

О ком тут еще думать? Конечно о тебе.

Янь Цин с отточенным мастерством стал успокаивать его:

— О тебе в детстве. Что, вырос, а теперь и к себе-то маленькому ревнуешь?

Лицо Шэнь Цзюэ мгновенно прояснело, и он тихо сказал:

— Я думал, Мастер снова думает о других. Ведь я же единственный ученик Мастера...

Янь Цин продолжил успокоение:

— Ты ведь и сам знаешь, что Учитель взял только одного тебя в ученики. О ком же еще думать, как не о тебе.

Сказав это, он поставил пустую чашку на поднос:

— Ладно. Ты весь день сегодня провел рядом со мной в хлопотах. Ступай и хорошенько отдохни.

Шэнь Цзюэ, получив устраивающий его ответ, не стал задерживаться. Ответив «хорошо», он забрал поднос и вышел за дверь.

После ухода Шэнь Цзюэ Янь Цин, подперев щеку рукой, обратился к Системе:

— Ты уверена, что уровень очернения Шэнь Цзюэ – сто? Я уже проверил. Он всё тот же наивный маленький белый цветок, просто стал более ревнивым. Где же тут та крайность, о которой ты говорила?

Тишина, гробовая тишина.

Янь Цин с сомнением продолжил стучать:

— Система?

Спустя долгое время Система наконец холодно отозвалась: [Я здесь.]

— Почему не отвечала только что? Ты уверена, что данные по Шэнь Цзюэ в норме?

Система, всё еще чрезмерно тихая, сильно отличаясь от своего обычного щебечущего образа, в конце концов, будучи загнанной в угол, выдавила лишь одну фразу: [Конечно, в норме.]

Янь Цин:

— Тогда сколько сейчас уровень очернения?

Система: [90.]

Янь Цин вне себя от радости:

— Когда же он снова понизился?

Система: [... Пока ты спал днем.]

Янь Цин с сомнением спросил:

— Что произошло, пока я спал днем?

Система невольно пролила за него пару горьких слезинок.

Глупый ребенок. Ничего не произошло. Просто тебя чуть не съели целиком.

<http://bllate.org/book/18143/1740313>